

Вольнослушатель

В.С. Соловьев в Московской Духовной Академии

Владимир Сергеевич Соловьев родился 16 января 1853 года. По материнской линии он являлся потомком выдающегося философа XVII столетия Григория Саввича Сковороды (1722–1794). В 1864 году он был определен в гимназию, которую закончил в 1869 году с золотой медалью. В том же году Владимир Сергеевич поступил на физико-математический факультет Московского университета, а в 1872 году перешел вольнослушателем на историко-филологический факультет. В 1873 году, сдав экзамены и получив степень кандидата историко-филологических наук, В.С. Соловьев поступил вольнослушателем в Московскую Духовную Академию. В университете на него оказали влияние, очевидно, всего два профессора: П.Д. Юркевич (1826–1874) и протоиерей А.М. Иванцов-Платонов (1835–1894). В университете Соловьев уделял мало¹ времени учебному процессу и предпочитал заниматься самообразованием². Мирозренческую эволюцию Соловьева от материализма к религиозному миропониманию можно представить следующим образом. В 16 лет он познакомился с учением Спинозы и под его влиянием мало-помалу стал освобождаться от материалистических идей. После Спинозы он изучает Фейербаха и Милля. Внимательное изучение Канта и Шопенгауэра более всего способствовало идейному прозрению еще совсем юного философа. Далее идет увлечение Фихте, Гартманом, Шеллингом, Гегелем. Шеллинг оказал огромное влияние на Соловьева, сопоставимое разве что с влиянием Шопенгауэра. После освобождения от идей материализма “для Соловьева

наступает уже иная пора: постепенно он является создателем своей особой, собственной философской системы...”³ Надо думать, что общение с П.Ю. Юркевичем было так же весьма полезным в философском плане для Соловьева. Ведь Юркевич был хорошим знатоком древней философии.⁴ Известное влияние особенно в юношеские годы на Соловьева оказали славянофилы А.С. Хомяков (1804–1860) и И. В. Киреевский (1806–1856).⁵ Однако Соловьев никогда не был всецело славянофилом или западником. “Призывает он... к новому будущему, которое не есть ни Восток, ни Запад, а синтез того и другого” — говорит С.М. Соловьев.⁶ Он был оригинальный мыслитель, и именно в этом его таинственная притягательность. Он, как “русский Ориген”, занимался постановкой и разработкой именно тех вопросов, над которыми трудились следующие поколения русских философов. Именно с его именем связано возрождение самостоятельной русской философии, хотя он и не был на этом поприще первопроходцем. Не будь тех же Хомякова и Киреевского, неизвестно, состоялся бы Соловьев как оригинальный мыслитель философии всеединства.

³ Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М., 1911 // Философское мирозерцание В. С. Соловьева. С. 124.

⁴ Попутно следует отметить, что Юркевич интересовался спиритизмом, которому достаточную часть своей юности отдал и Соловьев. Он же рекомендовал Соловьеву для чтения Беме, Сведенборга именно в 1873 году, то есть в год поступления Соловьева вольнослушателем в Духовную Академию. Этому совету, как мы увидим впоследствии, молодой философ внял. Видимо, связь между двумя мыслителями была большей, нежели считают некоторые исследователи творчества Владимира Сергеевича?

⁵ См.: Лопатин. Цит. соч. С. 132. Трубецкой; Е.Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1995. Т. 1, гл. XII.

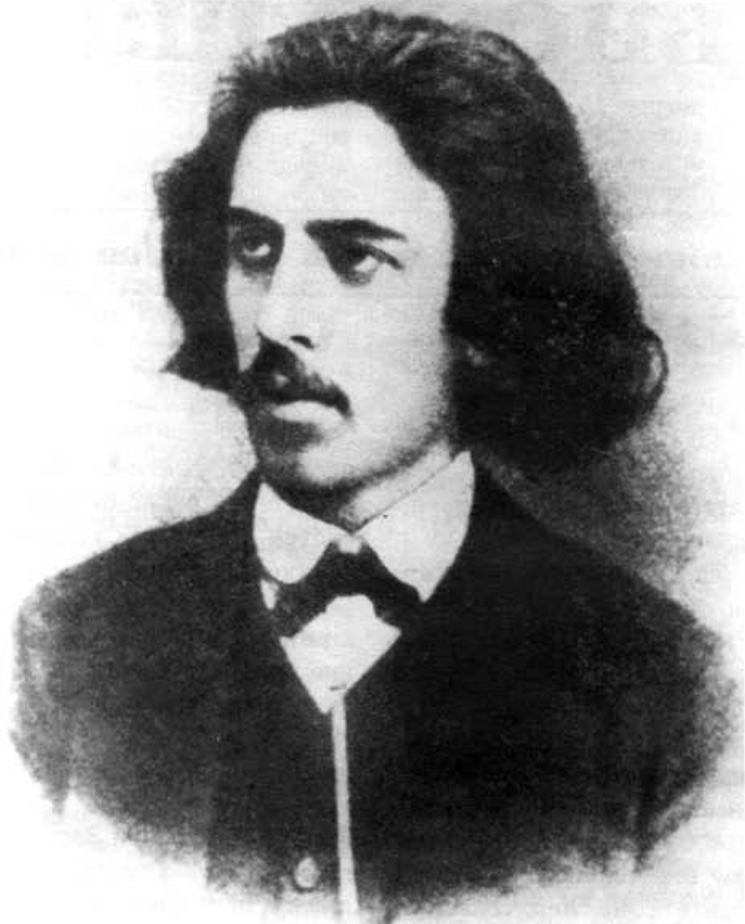
⁶ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 80.

¹ Лукьянов. Т.1. С. 170, 173–175.

² Н.И. Кареев вспоминал: “Соловьева, как студента не существовало...” // Цит. по: А. Ф. Асмус. Владимир Соловьев. М., 1994. С. 21.

Рождение смысла

О том, что после университета Соловьев хотел слушать лекции в Московской Духовной Академии, сохранилось свидетельство его самого. О этом своем желании он пишет своей кузине Е.В. Романовой следующее: "...представь себе, что некоторая, хотя бы небольшая часть человечества вполне серьезно, с сознательным и сильным убеждением будет исполнять в действительности учение безусловной любви и самопожертвования: долго ли устоит неправда в мире? — но до этого... далеко. Теперь же нужно еще сильно поработать над теоретической стороной, над богословским вероучением. Это мое настоящее дело... Ты, вероятно, знаешь, что я этот год буду жить при Духовной Академии для занятий богословием. Вообразили, что я хочу сделаться монахом и даже думаю об архиерействе. Нехай — я не разуберяю. Но ты можешь видеть, что это вовсе не подходит к моим целям. Монашество некогда имело свое высокое значение, но теперь пришло время не бегать от мира, а идти в мир, чтобы его преобразовывать".⁷ Из этого письма мы видим, что собственная философская система Соловьевым уже вынашивалась и, видимо, уже приняла к тому времени довольно определенные очертания. Родители Соловьева были против его пребывания в Академии,⁸ не понимали этого поступка и

В. С. Соловьев в студенческие годы

его товарищи.⁹ Однако выбор был сделан. В.С. Соловьев в письме кузине от 6-го сентября 1873 года возвещает о своем переселении в Сергиев Посад через два дня, т.е. 8-го сентября. В этом же письме прилагается и адрес: "Московская губерния, Сергиев Посад, Новая монастырская гостиница, № 49, В.С.С."¹⁰ Соловьев, таким образом, прибыл в Академию к началу учебного года. "Официально учебный год в Духовных Академиях продолжался тогда от 15 августа до 15 июня. В МДА собственно учебные занятия начинались, впрочем, лишь с 9 сентября, после молебна накануне, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы".¹¹

Существует предположение, высказанное отцом Павлом Флоренским (1882–1937) биографу Со-

ловьева, С.М. Лукьянову, что "Соловьев был принят вольнослушателем по частному письму Московского митрополита Иннокентия к ректору".¹² Сколько точно по времени являлся Соловьев вольнослушателем, сведений не имеется, хотя время это, безусловно, ограничивается одним учебным 1873/74 годом. Вот, что пишет сам Владимир Сергеевич о своем прибытии в Сергиев Посад в письме к Е.В. Романовой: "Я нахожусь теперь в довольно оригинальном положении. Приезд мой произвел в Академии почти такое же впечатление, как прибытие мнимого ревизора в тот знаменитый город, "от которого хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь". Профессора здешние воображают, что я приехал с исключитель-

⁷ Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 89 // Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 244.

⁸ "Соловьев С.М. этому плану не сочувствовал" // Лукьянов С.М. Цит. соч., С. 313. Отец Павел Флоренский сообщал С.М. Лукьянову, что "ему лично приходилось слышать (в конце 1904 или в начале 1905 гг.) очень неодобрительные отзывы об Академии от П. В. Соловьевой, матери Владимира Сергеевича" // Лукьянов С.М. Цит. соч. С.329.

⁹ "Некоторые из гимназических товарищей видели тут просто чудачество" // Лукьянов С.М. С. 313.

¹⁰ "Письма Вл.С. Соловьева" под редакцией Э.Л. Радлова. Т. 1-3. Спб., 1908-1911. Т. 3. С. 99.

¹¹ Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 314.

¹² Там же. С. 315.

ной целью смутить их покой своею критикою. Любезны все со мною до крайности, как городничий с Хлестаковым. В благодарность за это оставляю их по возможности в покое (хотя те лекции, которые я до сих пор слышал, довольно порядочны). Впрочем, они сами весьма низко ценят себя и свое дело и никак не могут поверить, чтобы постороннему человеку, дворянину и кандидату университета, могла прийти фантазия заниматься богословскими науками; и действительно, это первый пример; поэтому и предполагают во мне какие-нибудь практические цели. А между тем Академия не представляет такой абсолютной пустоты, как университет..." Далее в этом же письме Соловьев рассказывает о своей работе: "Во-первых, пишу Историю религиозного сознания в древнем мире (начало уже печатается в журнале)...; во-вторых, продолжаю заниматься немцами и пишу статью (также для журнала) о современном кризисе западной философии...; в-третьих, читаю греческих и латинских богословов древней Церкви. Их изучение... необходимо для полного понимания христианства"¹³. В Академии находилась одна из крупнейших библиотек в России. "Академия тех лет еще сохранила дух митрополита Платона. Великолепная библиотека, с Аристотелем во всех изданиях, с Беме, Сведенборгом, вероятно много дала начинающему философу"¹⁴. С.М. Лукьянов говорит, что "мы с товарищами старались точнее определить, какие именно книги брал Соловьев в академической библиотеке. К сожалению, справки, наведенные отцом Павлом Флоренским, показали, что все библиотечные записи того времени, даже профессорские, не говоря о студенческих, уничтожены"¹⁵.

"На обычном акте Академии 1 октября 1873 года присутствовал и С.М. Соловьев"¹⁶. Видимо, "посещение им Академии... связано с тем, что его сын находился под ее покровом"¹⁷. Нам кажется, если появление Владимира Соловьева и вызвало некоторое волнение в Академии, то это связано не столько с ним самим, сколько с тем, что он приходился сыном С.М. Соловьеву,¹⁸ уважаемому всеми ученому.

Сергиевopосадский отшельник

Сергиев Посад того времени представлял собой захудалый провинциальный городок и для желающих проводить веселую жизнь был совершенно неподходящим местом, и напротив, для желающих заниматься наукой был идеальным уголком. "В Сергиевом Посаде Соловьев жил отшельником,

немецкие философы и греческие богословы "в трагательном союзе" наполняли его жилище"¹⁹. Пребывание Академи в Лавре давало особенный настрой для богословских занятий. К сожалению, воспоминаний о пребывании Соловьева в МДА имеется очень мало. Сохранилось воспоминание архиепископа Николая (Зиорова), являвшегося в то время студентом. Он сообщает о Владимире Соловьеве: "У ректора (А.В. Горского — С.Е.) была всегда полна аудитория... Приезжал слушать его лекции и В.С. Соловьев, впоследствии знаменитый философ и публицист. Бывал он (т.е. Соловьев) и на лекциях В.Д. Кудрявцева и В.Н. Потапова. Помню его фигуру худощавую, всегда серьезную, задумчивую. Дружил Соловьев только со студентом Александром Хитровым"²⁰. Имеется также воспоминание о Соловьеве профессора Муретова, который в 70-е годы также учился в Академии, но они касаются больше внешнего облика философа. В воспоминаниях Муретов, в частности, отмечает, что "ни с кем из студентов я не видел его разговаривающим... Встречал я его на лекциях у Потапова по истории философии. Мерещится почему-то, что видел его на лекциях архимандрита Михаила Лузина... Но возможно, что видел я Соловьева... у... Кудрявцева или кого другого..."²¹. М.Д. Муретов, как и архиепископ Николай, также отмечает то, что Соловьев слушал лекции прот. А.В. Горского.²² Друг Соловьева по гимназии и университету Н.И. Кареев, впоследствии известный историк, сообщает о пребывании Соловьева в Академии: "Сам хорошо помню поездку к нему с А.А. Соколовым зимою... Мне довелось слышать шуточные отзывы (Соловьева про Академию), но я сам не придавал им значения подлинных мнений Соловьева об Академии. В общем, однако, сквозило некоторое разочарование, выразившееся в таких преувеличениях, как, например, заявленное о том, что некоторые профессора настоящие нигилисты. Было немало веселых анекдотов..."²³. Отец Павел Флоренский сообщает со слов В.С. Смирновой о том, что Соловьев был в дружеских отношениях с С.К. Смирновым, который в бытность вольнослушателем Соловьева в Академии исполнял обязанности инспектора. Философ навещал его на квартире и вел с ним беседы.²⁴ Как можно видеть из всего вышесказанного, Соловьев слушал лекции прот. А.В. Горского (1812–1875), проф. В.Д. Кудрявцева (1828–1891), В.Н. Потапова (1836–1890), был знаком с С.К. Смирновым (1818–1889) и, очевидно, слушал архимандрита Михаила (Лузина) (1830–1887). О прот. А.В. Горском Соловьев был очень высокого мнения. В 1896 году Владимир Сер-

¹³ "Письма Вл. С. Соловьева" под редакцией Э.Л. Радлова. Т.1-3. Спб., 1908-1911. Т. 3. С. 105-106.

¹⁴ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 68.

¹⁵ Лукьянов С.М. Цит. соч., примечание № 621.

¹⁶ Там же. Примечание № 623.

¹⁷ Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 324.

¹⁸ Там же. С. 323.

¹⁹ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 67.

²⁰ Лукьянов. Цит. соч. С. 325–326.

²¹ Там же. С. 328.

²² Там же. Примечание № 631.

²³ Там же. С.329.

²⁴ Там же. См. примеч. № 634.

геевич писал, что “в один из последних годов жизни А.В. Горского я был с ним близок в качестве вольного слушателя Московской Духовной Академии, где он был ректором”.²⁵ М.Д. Муретов высказывает мысль о том, что в богословском плане Соловьев в некоторых вопросах следует за А.В. Горским. “Вообще, при знакомстве со специально богословскими мыслями Соловьева мне почему-то всегда припоминался Горский. Вероятно, Горский имел самое сильное влияние на Соловьева — с этой стороны. Быть может, ему же обязан философ и своею религиозностью, и устремлениями в богословские области”²⁶. С последним суждением Муретова можно согласиться лишь отчасти, так как внимание к богословию у Соловьева обнаружилось еще до знакомства с Академией и, в частности, с ее ректором Горским. Это хорошо видно из письма Соловьева к своей кузине.

В.Д. Кудрявцев-Платонов ко времени появления Соловьева в Академии был уже довольно зрелым философом. Его влияние на Соловьева также не стоит игнорировать.²⁷ Один из студентов в своих воспоминаниях замечает, что “Владимир Соловьев становился на ноги не без помощи Виктора Дмитриевича (т.е. Кудрявцева — С.Е.); он слушал его лекции в Московской Академии. Как знать не будь Кудрявцева, Соловьев, может быть, и не устоял бы против бешеного натиска позитивизма”.²⁸ В связи с этим, интересную информацию сообщает С.М. Лукьянов: “Нельзя, однако же, не отметить одного небольшого труда, который подготовлялся как раз в то время, когда Соловьев состоял посторонним слушателем Академии. Труд этот, под заглавием: “Критический разбор учения О. Конта о трех методах философского познания”, представляет собою речь (Кудрявцева-Платонова — С.Е.), произнесенную на публичном акте Академии 1-го октября 1874 г. <...> “Магистерская диссертация Соловьева, направленная тоже против позитивизма, заканчивалась печатанием именно в одиннадцатой, т. е. ноябрьской, книжке православного обозрения за тот же год”.²⁹ Очень возможно, что между двумя работами существует не только хронологическая связь.

²⁵ Там же. С. 335.

²⁶ У Троицы в Академии. 1814-1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 224.

²⁷ “Личная приязнь и доверие к профессору Московского университета П. Д. Юркевичу и Московской Духовной Академии В.Д. Кудрявцеву давали ему неисчерпаемый источник радости и самоусовершенствования” // *Величко В.Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения. Изд. 2. Спб., 1904. С. 21

²⁸ У Троицы С. 182, 183.

²⁹ С.М. Лукьянов. См. прим. № 646 С. 338. Там, в частности, написано о том, что по словам Э. Л. Радлова “в особенности” усердно Соловьев посещал лекции В.Д. Кудрявцева-Платонова // См. *Радлов Э.Л.* Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Спб., 1913. С. 13.

Соловьев и София

Есть еще одно небезыңтересное свидетельство или, скорее, догадка о влиянии академической среды на Соловьева. Дело в том, что, когда Соловьев был вольнослушателем, профессор Д.Ф. Голубинский, сын известного философа о. Феодора Голубинского, преподавал естественно-научную апологетику в МДА. Вот выдержка из письма отца Павла Флоренского на имя С.М. Лукьянова от 2 марта 1916 г.: “... считаю нужным отметить один интересный, думается, пункт, могущий пролить свет на генезис философии Вл. Соловьева. Вл. Соловьев был близок с Д.Ф. Голубинским, сыном известного протоиерея — философа Ф.А. Голубинского. Последний же, как выясняется, глубоко вынашивал в себе идею Софии (см. в Богословском вестнике, 1915 г. окт. нояб. дек. А.И. Бухарева (архим. Феодора) стр. 785–867), которая перешла от него к Бухареву. Дм. Ф. Голубинский, читатель памяти и идейных заветов отца своего, вероятно, сообщил ее и Соловьеву. Нужно думать, что именно из Академии, по-видимому, вынес эту идею Соловьев, так как после Академии он специально посвящает себя поиску литературы в этом направлении (путешествие за границу). Мне представляется, что Соловьев поступил в Академию просто для занятий богословием и историей Церкви, но потом, набредя на предустановленную в его душе Софию, бросил и Академию, и богословие вообще и занялся специально Софией. Это, конечно, моя догадка. Но весьма интересно было бы проверить ее. Если бы она подтвердилась, то тогда вышло бы, что Соловьев нашел себя именно в Московской Академии. — Очень важно было бы узнать об отношениях Соловьева к Д.Ф. Голубинскому. В Академии имеется еще не рассмотренный Дневник последнего, и очень может быть, что там говорится о Соловьеве”.³⁰ Как будто в косвенное подтверждение предположения отца Павла Флоренского имеется свидетельство племянника Вл. Соловьева, С.М. Соловьева-младшего: “В подтверждение догадки П. А. Флоренского могу сообщить, что я читал “Христософию” Беме из библиотеки Академии и заметил, что пометки синим карандашом, сделанные на полях, очень напоминают руку Соловьева, который — увы! — не церемонился с академическими книгами и испещрял их своим карандашом...”³¹ Однако доподлинно известно то, что Соловьеву Беме и Сведенборга рекомендовал для чтения Юркевич, еще в университете, и вовсе не обязательно связывать чтение этих книг с суждени-

³⁰ Лукьянов С.М. Цит. соч., примеч. № 662. С.343–344. О судьбе этих дневников нам ничего не известно. В библиотеке МДА они отсутствуют.

³¹ Соловьев С.М. Вл. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 69.

ем отца Павла Флоренского, которое к тому же носит гипотетический характер.

Небесполезно будет несколько коснуться и личности отца Ф. Голубинского. На сегодняшний день хорошо известно то, что Ф. Голубинский имел определенные связи с масонством, более того, он дошел до степени мастера.³² Думается, что именно оттуда им была воспринята идея Софии, которая, возможно, впоследствии "по наследству" перешла и к Соловьеву.³³ Но вполне допустимо и то, что Соловьев обратил внимание на идею Софии под косвенным влиянием Юркевича (ведь он же рекомендовал Соловьеву Беме), а знакомство со взглядами отца Ф. Голубинского имело определяющее значение для Соловьева. В любом случае, трудно точно определить, что явилось побудительным мотивом для софиологии Соловьева.

Если бы Соловьев женился?..

Этим практически и ограничиваются наши знания о жизни и занятиях Соловьева в Академии. Какое влияние Академия имела на мировоззрение Соловьева, окончательно может выясниться при сопоставлении идей Соловьева с учением тех профессоров, слушателем которых он являлся в МДА, но такой работы, насколько нам известно, никто еще не предпринимал. Многие исследователи склонны считать, что о каком бы то ни было влиянии Академии на Соловьева говорить вовсе не приходится.³⁴ Однако нам представляется такое суждение поспешным и не могущим претендовать на объективность. Во всяком случае, мы твердо знаем, что Соловьев был в Академии, слушал здесь лекции, пользовался библиотекой, общался с преподавателями, и уже одно это позволяет нам говорить о связи Соловьева с Академией. Если она и не имела влияния на Соловьева, как думают некоторые исследователи, в частности А.Ф. Лосев³⁵, то такое суждение еще более приложимо к университету, так как отзывы философа об Академии более положительные, чем о Московском университете. В первую очередь, это вызвано тем, что по сравнению с Духовными Академиями положение философии в университетах

было более печальным.³⁶ "В то время как в Московской Духовной Академии читались рефераты по философии, обсуждался смысл и значение философии Канта, в журнале, издававшемся при Московском университете ("Вестник Европы"), Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и их сочинения "немецкой галиматьей". Юные студенты (МДА — С.Е.) удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала".³⁷ Может, и Академия³⁸ сыграла не последнюю роль в том, что Соловьев так много времени уделял собственно церковной проблематике, хотя его идеи зачастую и не согласуются с учением Православной Церкви. "В Сергиевом Посаде, с которым Соловьев не порывал связи и в позднейшие годы, было, можно сказать, лишь окончательно закалено то орудие, с которым выступил наш даровитый мыслитель на поприще общественной деятельности".³⁹

После Академии для Соловьева начинается творческий путь философа, который состоял как в радостях, так и в разочарованиях, как в приближении к Истине, так и в уходе от Нее. Его жизнь вышла надломленной, и в итоге Владимир Сергеевич, подорвав свои физические силы различного рода разочарованиями и неурядицами, ушел из жизни достаточно молодым. Кончина Соловьева последовала 31 июля 1900 года. Отпевали его в университетской церкви святой великомученицы Татианы. Жизнь его оборвалась неожиданно и, можно сказать, трагично.

Кто знает, не пленись Соловьев идеей софии, может быть, его жизнь и деятельность протекали бы в ином русле. Не пройди он мимо ценностей Православия и такого удивительного явления как старчество (хотя он бывал у преподобных Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского), послушайся он слов старца Варнавы, который советовал ему жениться, тогда, вполне возможно, жизнь Владимира Сергеевича сложилась бы иначе.

Путь и опыт Владимира Соловьева способен заставить задуматься всех тех, кто ознакомится с его жизнью и творчеством. Складывается впечатление, что он принес себя в жертву. Кому? На этот вопрос каждый может попытаться ответить себе сам.

Диакон Сергей Ефимов, 1 курс МДА

³² Гаврюшин Н.К. Самопознание как таинство (предисловие) // Русская религиозная антропология. Т. 1. М., 1997.

³³ Назвав свою путеводительницу Софией, направив русскую философию в сторону искания "божественной мудрости", Соловьев, в сущности, перебрал мост традиции в рубеж XVIII—XIX вв.: прецедент софиологии в истории русской культуры — это идеология масонства XVIII в. вместе с мистическими исканиями эпохи Александра I". Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С.97.

³⁴ Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. М., 1990. С. 24.

³⁵ Там же. С. 24—25.

³⁶ Асмус В. Ф. Вл. Соловьев. М., 1994. С. 21.

³⁷ Глаголев С. Прот. Ф.А. Голубинский "Памяти почивших наставников". Изд. Имп. Моск. Дух. Акад. ко дню ее столетнего юбилея. Сергиев Посад, 1914. С. 20—21.

³⁸ Асмус В.Ф. отмечает, что "при всех сознававшихся самим Соловьевым недостатках, Духовная Академия сыграла немаловажную роль в идейном развитии философа" // Асмус В.Ф. Вл. Соловьев. М., 1994. С. 23, 24.

³⁹ Лукьянов С.М. Цит. соч. С.349.